

Без страха и упрёка

Я едва ушел от ливневых дождей Юкатана. На моих глазах падали деревья на склонах прибрежных холмов: их корни уходили вглубь, цеплялись лишь за самую поверхность. Под тяжестью воды почва сползала вниз, тащила за собой деревья, подмывала насыпь дороги. На многих участках образовались огромные овраги, только на подъезде к Ла-Венте – городку, известному своими сооружениями в виде огромных голов из базальтовых глыб, – я вздохнул свободно: на равнине дожди не страшны. Лишь морской берег не нравился здесь – он был похож скорее на край бесконечного болота, чем на берег океана. Пришлось долго ехать, держа в поле зрения бровку океана, переваливать через горную цепь и только за городком Альварадо я увидел песок на берегу. Долго катил по дороге, отыскивая съезд к берегу, и наконец мне повезло – узкая дорожка спускалась прямо к воде. Я вышел точно посередине огромного серповидного залива. Вправо и влево края залива уходили в океан, длинные волны накатывали на берег. Накатывали под углом, словно течение, гнавшее их, шло вдоль берега.

Место было спокойное – от дороги меня отделяли какие-то брошенные строения, Альварадо остался километрах в пятнадцати позади.

Была середина дня. Солнце уже порядочно поднялось, но не жгло, в дымке оно казалось большим расплывшимся бледно-желтым пятном. На берегу в беспорядке валялись небольшие, окатанные водой стволы деревьев, разбитые ракушки и водоросли.

Птицы с огромными клювами летали вдоль берега и, не обращая на меня внимания, проносились совсем близко.

– Пеликаны! – вырвалось у меня вслух.

Видимо, я попал в самый разгар их охоты. Семь или восемь птиц кружили над заливом, не подпуская остальных. Они делали огромный полукруг, а потом снижались к самой воде и шли вдоль волны, под самым гребнем. Шли друг за другом, хвост в хвост. Пеликаны опережали волну на долю секунды, на самую малость, но

На берегу Мексиканского залива

гребень не успевал накрыть их. Казалось, замешкайся птица на какой-то миг – тотчас пропадет под водой!

Время от времени то одна, то другая птица открывала рот, и тогда я успевал заметить блеснувший в воздухе рыбий хвост. Пеликаны были похожи на древних ящеров, такими угловатыми казались их движения. Мне казалось странным, что они совсем не машут крыльями, а планируют, словно они не птицы, а фанерные модели, даже головы пеликаны поворачивали медленно, не меняя положения тела, но ловкость их была поразительной.

Я сидел на том самом берегу, куда пятьсот лет назад подошли каравеллы Кортеса. Они стояли здесь несколько дней, затем медленно вошли в бухту Альварадо. В одиночестве я сидел на этом берегу час за часом. Скрылось за спиной солнце, вода превратилась из зеленой в бурую, а я сидел. Сначала смотрел, затем слушал, как одна за другой накатывают на берег волны...

Мой первый поход с детьми состоялся вскоре после службы в армии, произошло это почти случайно. Мама очень опасалась за Сережу – моего младшего брата. К моему приходу со

На уроке географии

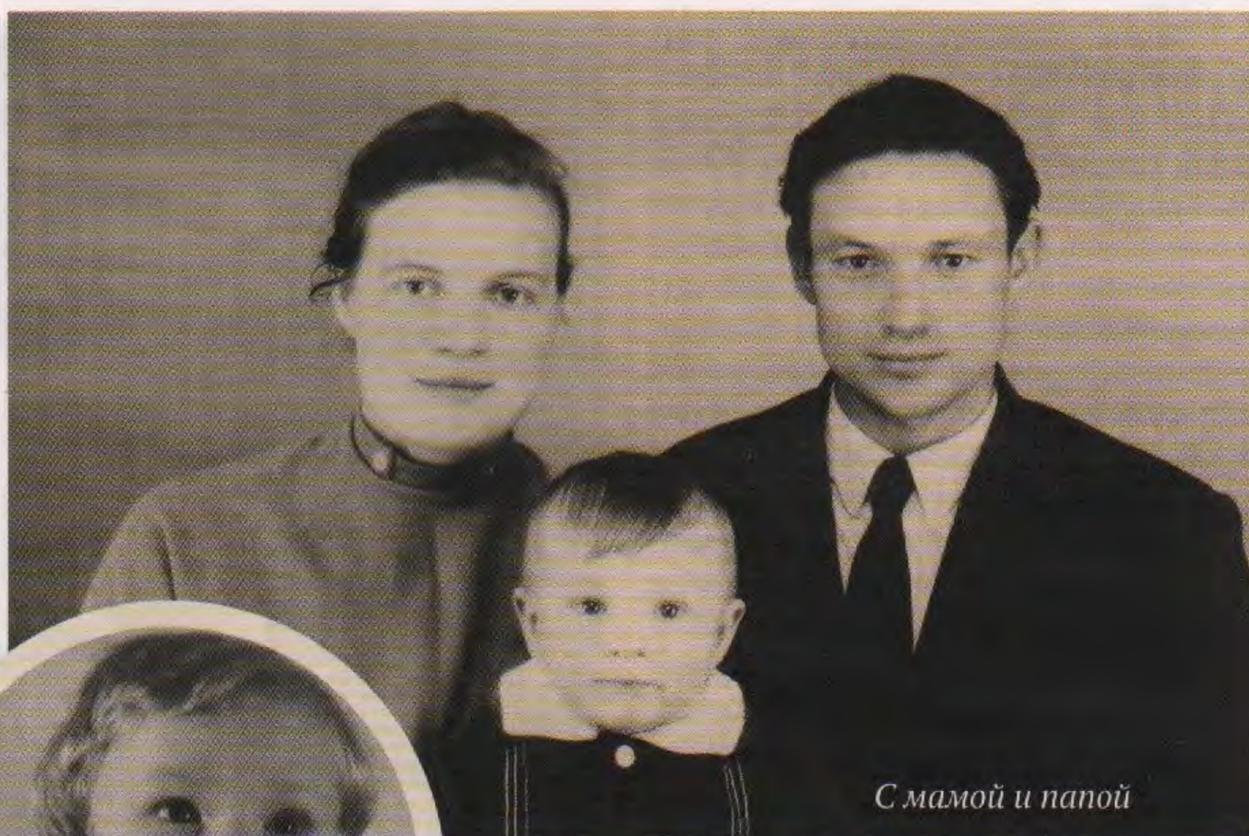

службы он достиг самого «проблемного» – 14-летнего возраста. Мне хотелось повлиять на него. К тому же где-то в глубине души теплилась надежда продолжить учительскую династию. До армии я не решился поступить в педагогический – слишком уж серьезным считал подобный выбор и саму профессию учителя. «Попробую, – решил я. – Родных воспитывать труднее, чем чужих, и если получится с братом, то... может быть, и сгожусь для этой профессии». Я решил начать работу с братом с физкультурных занятий – ничто так не сближает, как совместный труд и совместные тренировки и походы.

Едва сбросив армейский хитель, я повел Сережку на первую тренировку. Спустя неделю или две мы бегали на зарядку уже полновесной командой: его друзья не пожелали отставать от нас. Та весна утвердила направление моей последующей жизни: я окончательно выбрал учительство своим основным делом. В том первом походе нас было немного, человек шесть. Наладив велосипеды, мы три дня крутили по лесным и полевым дорогам района, пытаясь забраться в один из дальних его уголков. Ехали, то объезжая заросшие хилыми березками моховые болота, то карабкаясь по склонам меловых холмов все дальше и дальше. Останавливались в удивительных своей нехитрой красотой местах, варили кашу, слушали вечерний разговор сосен и дубов. Мне как-то легко удавалось находить общую тему для разговора со своими юными спутниками, было интересно вместе с ними рассматривать карту, фотографировать встретившиеся на пути интересные места, а сама поездка представлялась короткой географической экспедицией. Вот так с того самого лета началась моя работа с детьми. Я пытался помочь брату, а случилось так, что он своими «загибами» помог выбрать жизненный путь мне.

Еще в детстве я влюбился в географию. Я полюбил не школьный урок, хотя и учебник, и глобус свою роль сыграли. Я полюбил запах талого снега, шелест дождевых капель, стекающих по листьям дубов и лип, плеск воды на перекатах, вызывающих чувство какого-то непонятного счастья. А еще при слове «география» чудилась исчезающая далеко вдали в туманной дымке дорога и зовущие за собой просторы Земли.

С мамой и папой

Ирина Евгеньевна и Николай Васильевич Кочетковы на территории военного городка на Дальнем Востоке

Любимый поэт моей мамы, Исай Тобольский, заставил меня остановиться и оглядеться по сторонам, помог услышать людей, которые живут рядом, в одной стране со мной, в одном краю и которые пытаются что-то сказать.

Мама считала, что жить надо сейчас, поэтому летом мы всегда куда-нибудь ездили: в Ленинград, в Подмосковье, в Плес, в Крым.

С мамой и Сережей в Ленинграде у Эрмитажа

Мама, зная это увлечение, приносила из библиотеки книги, которые разжигали интерес. Дефо, Паустовский, Сетон-Томпсон, Ефремов... Она одобряла мои походы в лес, хотя очень волновалась, если я где-то случайно задерживался. У нас была с ней договоренность: возвращаться к определенному сроку. Я всегда, всю жизнь старался выдерживать эту договоренность. Даже во время путешествий по дальним странам старался успокоить ее телефонным звонком. Иногда это стоило довольно большого труда – не из каждого «медвежьего угла» было возможно дозвониться до российской глубинки. Однажды, чтобы позвонить в срок, я сделал «крюк» в сто шестьдесят километров.

Как-то, в классе восьмом, с одним из друзей мы пошли с ночевкой в лес. Дело было в сентябре, но погода стояла по-летнему теплая. Мы уговорили родителей, взяли с собой хлеба, прихватили по плащу, по теплому свитеру, по удочке и субботним вечером отправились в облюбованное местечко на приткнувшуюся почти к самой реке полянку. Опыт организации подобной ночевки был только книжный, но шалаш мы построили довольно быстро: связали несколько жердей, переплели их ветвями и травой. Внутри натаскали опавших листьев, перед входом разложили костер. Рыбачили дотемна и, хоть улов был небогатый – всего лишь четыре пескаря, сварили уху. Долго сидели у костра, пока не сожгли огромную кучу заготовленного впрок сушняка. Жарили хлеб, разговаривали вполголоса, время от времени прислушиваясь к звукам ночного леса, следили за улетающими в черное небо искорками. Полянка была крохотная, окруженная со всех сторон деревьями, да и от поселка было довольно далеко – километра четыре, поэтому костра нашего даже с Никольской горы было не разглядеть. А мама, оказывается, поднималась по темноте на гору, пытаясь высмотреть далекий огонек. Волновалась за меня, за моего друга. Об этом она мне рассказала, спустя несколько лет. Вот ведь – волновалась, но не запрещала, а, наоборот, помогала. Причем помощь она оказывала самую существенную, может быть, главную! Помогала приобрести самостоятельность, накопить уверенность в своих силах, способностях. Понимала, что запретом можно погубить все: стремления и мечты, и установившиеся хорошие отношения. Она считала, что личный опыт – лучший учитель.

Во время путешествия по Африке в Калахари

Кстати, ночь тогда прошла нормально, но утром ударил мороз. Вся поляна покрылась инеем, взятые из дома плащи совсем не спасали от холода. Мы, дрожа, бегали по зарослям, собирая сухие сучки для костра, чтобы хоть как-то отогреться перед возвращением домой – очень уж не хотелось признаваться в своей промашке. Накануне мама предложила взять с собой одеяло, картошки и банку консервов, но куда было деть напыщенную тупость: это ведь я перечитал десяток книг о путешествиях в лесу, а не она, это я себя считал докой в лесной жизни.

– Консервы не нужны, мы наловим рыбы, вместо картошки накопим стрелолиста, а от холода спасет костер. Эвенки ведь коротают зимние ночи у костра, – снисходительно ответил я на ее предложения и предостережения.

Теперь я бегал по лесу, стараясь унять бившую меня нескончаемую дрожь, поминутно засовывая пальцы то в рот, то под мышки, и никак не мог согреться. Потом сидел у самого огня, рискуя обжечься и опалить себе лицо. Очень хотелось есть. Хлеб мы съели накануне, остатки ухи выгребли тогда же. Идти копать клубни стрелолиста (растение, растущее по берегам рек) было делом безнадежным и просто опасным: в такое холодное утро лезть в воду можно лишь от великой нужды. Пришлось признать поражение. Едва отогрешись, мы с другом потащились домой. Как я благодарен маме! Она ни словом, ни жестом не напомнила мне о промашке, пощадила самолюбие. Встретила горячим

чаем, вкусными горячими пирожками и неизменно добрым взглядом:

– Ну, доволен, что ли? – наливая третий стакан чая и подкладывая поближе ко мне сахар и варенье, спросила она. Я махнул головой и попытался спрятать взгляд.

Раз мы поехали на несколько дней в Санкт-Петербург, тогдашний Ленинград – мама любила устраивать подобные поездки-экскурсии на летних каникулах. Я окончил шестой или седьмой класс. Поездка была интересной. Мы бродили по улицам города, ходили по музеям и театрам. Мне тогда особенно понравился Музей антропологии и этнографии и в предпоследний день я попросил разрешения еще раз пойти в этот музей.

– Иди, – сказала мама, – через дорогу осторожнее, по городу не заблудись.

Она на всякий случай написала на листке бумаги адрес своей подружки, у которой мы остановились, и номера маршрутных автобусов. Сама же с Сергеем ушла в Эрмитаж. Часа два или три я бродил по музею, а затем в одиночку добирался в дальний жилой район. Для городского человека это не подвиг, но для меня, жителя маленького поселка, подобные уроки помогали приобрести самостоятельность и чувство независимости.

Мама понимала меня с полуслова. В детстве и потом, когда я стал много старше, я без боязни мог поделиться с ней не только радостью или какой-то жизненной неудачей, но и самой нелепой мечтой.

– Нелегко тебе придется, – сказала однажды мама.

Я тогда только что вернулся с Дальнего Востока, где почти целый сезон мы с другом Владимиром работали в лесоустроительной партии. Мама слушала мой рассказ, но не особо удивлялась выпавшим на нашу долю приключениям и трудностям.

– Нелегко тебе придется. Запросы уж больно у тебя высокие. Да и самой жизни хватит ли на все? – она посмотрела на меня, подумала и добавила: – В школе тебе место. Где тебе еще удастся реализовать свои мечты?

Она оказалась права и здесь. Именно в школе пригодился мой интерес к путешествиям, к природе, и сейчас я вспоминаю с благодарностью этот ее совет.

И поэзию по-настоящему открыла для меня именно она. В детстве я считал стихи и песни Рождественского, Визбора и Окуджавы народными. Мне часто приходилось их слышать, когда в доме собирались друзья родителей. Они дружно пели, радовались чему-то, а иногда азартно обсуждали стихи этих и других поэтов.

На таких посиделках я впервые услышал об Исае Тобольском. И если первое знакомство с песней пошло от отца, то уважение к поэзии, литературному, а затем и учительскому труду у меня от мамы.

Мама была настоящая женщина: красивая, добрая, тонко понимающая человеческие отношения. А еще она любила жизнь. Любила жадно, каждый день жизни, каждый ее час. Время не существовало отдельно от нее, не проходило мимо, не коснувшись. Я думаю, причиной тому была книга. Мама не мыслила своей жизни без книги, читала до последнего своего дня. Она и меня не просто приучила к чтению, а привела в этот мир, подарила мне счастье брать в руки книгу, открывать ее, беседовать с автором. Время от времени она зачитывала мне стихи, или какие-то строки из прозы, и мы обсуждали их.

Мама любила открывать для себя людей. Писателей, художников, поэ-

тов. Так было и с ее любимым автором Исаем Тобольским. Познакомилась она с его творчеством случайно. На вокзале, ожидая поезда, перелистывала книги в газетном киоске. Пои- стала один сборник, второй, третий. Этот третий сборник – неказистая на вид книжица – захватил. Она его открыла посередине, начала читать и не смогла остановиться – дочитала стихотворение до конца. Открыла на другой странице. Начала читать – и опять ее поразила глубина и сила слова поэта. «Исай Тобольский, кто это? Почему раньше я не слышала о нем ничего?»

Со школьной скамьи мы знаем великих: Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Бунина и других. Но мы либо мало знаем, либо совсем не знаем современников. Возможно, не верим, что среди них могут быть великие, купаемся в собственной значимости.

Я не могу сказать, что Исай Тобольский стал и моим любимым поэтом. Не могу, но именно он заставил меня остановиться и оглядеться по сторонам, помог услышать людей, которые живут рядом, в одной стране со мной, в одном краю и которые пытаются что-то сказать.

Где-то я слышал выражение, что писатель (если, конечно, он настоящий писатель) пишет своей собственной кровью. Думаю, это так и есть, ведь в каждой его работе остается живая частичка сердца. Человека уже нет, а его мысли, его взгляд на окружающее, его энергия остаются. И это очень важно.

Теперь та самая книга Исае Тобольского всегда со мной. Как талисман, как доказательство величия сложенного в стих слова. Где бы я ни был, я открываю ее и читаю с любой строки. И точно так же, как и мама, с удовольствием беру книги стихов в киосках, магазинах, беру, в надежде увидеть что-то хорошее и сильное.

Мама никогда не копила деньги. Не откладывала их впрок, на будущее, на «черный день». Она считала, что жить надо сейчас, а не потом, поэтому летом мы всегда куда-нибудь ездили:

в Ленинград, в Подмоскowie, в Плес, в Крым. Мы могли, например, выйти на станции в Рязани и поехать в Музей Есенина. Могли обсуждать с мамой некрасовского деда Мазая на пути в Кострому.

Последние несколько лет она радовалась каждому новому дню. Ранним утром выходила ко двору и, чуть прищурив глаз, смотрела на восходящее солнышко. Смотрела на дома, на редких прохожих, на далекий, поросший березками водораздел, одинаково приветствуя и осенний дождик, и колючий снег. «Какое счастье, – говорила она, – я встречаю еще один день».

Мама тяжело болела и долго боролась со своей болезнью. Последнее, что она прочитала, – мой очерк о любви, напечатанный в журнале «Физкультура и спорт». Ей уже трудно было разговаривать и читать, но она и прочла, и поговорила со мной о литературе, о жизни, о наступающей весне, увидеть которую ей, к сожалению, уже было не дано. И она, и я знали это. Я сидел рядом, слушал ее голос, понимая, что она прощалась не только со мной, но и с самой жизнью.

– То ли мне приснилось, то ли почудилось, то ли наяву это было, – произнесла она, едва заметно улыбаясь и охватывая меня взглядом, – но только пошла я легко-легко, и ничего у меня не болит...

Мы долго сидели молча.

– Погладь меня, – попросил я, едва сдерживая слезы.

Мама с трудом подняла руку и провела ладонью по моей голове, по волосам. Рука скользнула по плечу и опустилась вниз...

Что бы я ни делал, где бы ни находился, какое бы решение ни готовился принять, мысленно я обращаюсь к ней – той, которая подарила мне жизнь, которая всегда со мной, каждый день, каждый миг...

Владимир Кочетков,

член Русского географического общества,
член Союза писателей России

Редакция журнала «Мономах» поздравляет с юбилеем Владимира Николаевича Кочеткова, живущего без страха и упрека!

Невозможно подсчитать, сколько километров проехал на своем велосипеде этот смелый, отчаянный и дерзкий путешественник! Если сложить все его дороги, получится не одно кольцо вокруг света.

Но не количеством дорог славен Владимир Кочетков. Уникальный педагог, он воспитал не одно поколение мальчишек, влюбленных в свой край, умеющих ценить и беречь природу. Талантливый писатель, он в своих книгах открывает читателям земную красоту и глубину слова.

Желаем Владимиру Кочеткову новых свершений и побед. Верим, что его главный Эверест еще впереди!